

ДРАКОНЬЕ
ЛЕТО

Сима

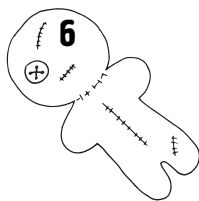
Если откроешь дверь незнакомцу, он может похитить тебя или даже совсем убить. Сима знала: когда сидишь дома одна, к дверям лучше вообще не подходить. Но сейчас дома был папа, отсыпался после ночной смены. С папой ничего не страшно! Он может двенадцать раз поднять гирию правой рукой и десять раз левой и даже может сдвинуть шкаф, чтобы достать потерянный радужный шарик. Сима пробовала двигать шкаф, но силенок пока хватало только на табуретку.

Эту самую табуретку она, пыхтя от усердия, тащила с кухни. Дверной звонок дребезжал требовательно, но папа спал как убитый. Час назад заботливая Сима поставила ему в изголовье стакан воды и натянула на плечи ватное одеяло. Папа одеяло отпихивал и что-то недовольно мычал, но так и не проснулся. Когда запиликал мобильник, он просто придушил его подушкой. Даже глаз не открыл. А звонка в дверь он, наверное, и вовсе не слышал.

— Минуточку! — по-взрослому строго сказала Сима закрытой двери.

Нужно было встать на табуретку, заглянуть в глазок и спросить: «Кто там?» — этот нехитрый алгоритм Сима выучила еще в три года. А теперь ей почти четыре с половиной! Звонок притих, сменился настойчивым стуком.

— Доча, это я! Открой, пожалуйста...

Толстая дверь совсем не заглушала звонкий мамин голос. Он как будто звучал в самой прихожей и, усиленный подъездным эхом, гулко троился.

— Мамочка! — радостно воскликнула Сима, поворачивая защелку.

Она не встала на табуретку, не заглянула в глазок. Это незнакомцам нельзя открывать, а мама — знакомец! Мама удивится и обрадуется, что дочь такая самостоятельная, погладит ее по голове и назовет взрослой и помощницей, а папу назовет сплюхой! Защелка хрустнула, с той стороны мама нажала ручку, потянула на себя... Но дверь не открылась.

— Симочка, в чем дело?! Открой скорее! — настойчиво попросила мама.

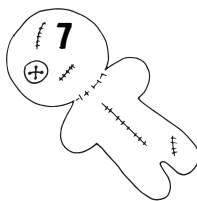
— Сейчас, сейчас!

Старый замок иногда заедало. В таких случаях мама отчитывала папу за то, что он ленится сходить в строительный магазин, а папа говорил нехорошее слово. Со старым замком можно было жить — нужно было только надавить на него хорошенько и резко провернуть. Механизм дважды лязгнул вхолостую. Ручка заходила ходуном, затряслась дверь.

— Сима, в чем дело? Открой эту чертову дверь! — голос мамы звучал сердито.

— Да сейчас же, сейчас, мамочка!

Сима обиженно надула губки. Разве она виновата? Разве на нее нужно злиться, что замок плохо работает, а кое-кто опять не взял ключи? Сима бросила взгляд на тумбочку возле зеркала, где лежала забытая мамой связка, и вдруг опасно отодвинулась в глубь коридора. Ключей не было. Она сама сунула их маме в руку утром, перед работой — звонко чмокнула в румяную щеку и вложила в протянутую ладонь связку. Дверь затряслась сильнее:

— Сима, я сказала, открой мне дверь, живо! Слышишь меня! Живо открой чертову дверь! Если открою я — будет хуже!

Сделалось холодно. Сима зябко обняла себя, потерла плечи. Ладони оказались потными, и стало только хуже. Странно, но злой мамин голос не сделался тише. Мамин? А мамин ли это голос? Самым строгим в семье был папа, он и прикрикнуть мог — но мама? Мягкая, теплая, пахнущая выпечкой и духами мама? Даже когда они ссорились с папой, она никогда не повышала голоса! Сима придвинула табуретку и, пока не покинула решимость, отодвинула шторку глазка.

— Ты слышишь меня?! Я сказала, открой мне дверь! Впусти меня! Быстро впусти меня! Открой! Открой! Впусти меня в дом!

Сима отшатнулась и едва не сверзилась с табуретки. Коридор был пуст. Дверь вибрировала от ударов, тряслась ручка, захлебывался звонок, и голос, так похожий на мамин, говорил страшные, страшные, страшные вещи, но коридор был пуст.

— Открой дверь! Живо открой мне дверь, я кому сказала?! Ты не представляешь, что я с тобой сделаю, маленькая паршивка! Слышишь?! Впусти! Меня! Сейчас же!

За дверью выло и бесновалось то, что не было мамой. В комнате на кровати звездочкой раскинулся папа. Он негромко сопел и, казалось, ничего не слышал. Сима забилась в проем между стеной и шкафом, плакала и тряслась от ужаса.

Старый замок заедало. Иногда это было к лучшему.

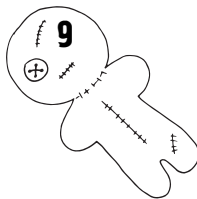
Жан

Сильвера подкосило на третий день каникул. Тоха с Юркой играли на детской площадке в «лесенку», по очереди подтягиваясь на счет, и видели, как у шестого подъезда остановилась покрытая пылью машина «Скорой помощи». Спустя десять минут замученные санитары в мокрых от пота голубых робах, пыхтя и отдуваясь, вытолкали на улицу тележку с пациентом. Следом вышли молоденькая врачиха и понурый Серый. Они о чем-то коротко поговорили, после чего санитарка укатила в больницу, а Серый поплелся к друзьям на площадку.

Юрка, в очередной раз проигрывая, поспешил воспользоваться случаем. Пошел навстречу Серому, протягивая ладонь для рукопожатия. Тоха с победоносной ухмылкой завершил серию, зависнув на перекладине, гаркнул: «Семнадцать!» — и спрыгнул на землю. Взъерошил ежик рыжих волос, стянул промокшую майку. Полуденное солнце превратило небольшой петрозаводский двор в филиал пекла. Лишь на детской площадке, в жидкой тени пожухших тополей, можно было сидеть, не боясь получить тепловой удар.

— Привет, Серёня! Че кислый такой? Лимон съел?

— Сильвера в больницу увезли, — вместо приветствия проямлил тот. — С сердцем что-то. Он вчера звонит такой, говорит, типа молоко закончилось, масло, ну и всякое там. Я за списком продуктов зашел,

думал заодно и полы помыть, как раз время подошло, а он в прихожей валяется. Сипит, глаза пучит, белый весь — чисто зомби! Я чуть на улицу не сквозанул!

В компании Серый был старше всех на целых два месяца, но на фоне друзей выглядел мелкотой. Невысокий, тощий, белобрысый, вечно обряженный матерью в дурацкие рубашки поло, у которых менялся только цвет и расположение кармана, он никак не тянул на восьмой класс. Тонкие губы его заострились уголками вниз, придавая лицу совсем уж обиженно-детское выражение. Приступ Сильвера Серый переживал как свой собственный.

Ивана Георгиевича Авдеева прозвали Сильвером из-за моряцкого прошлого и протеза, заменившего левую ногу от колена до стопы. Он не курил трубку и не пил ром, но от его морщинистого смуглого лица веяло солеными морскими брызгами. В глаза Сильвером его называли только мальчишки — знали: как бы старик ни хмурился, на самом деле прозвище ему льстит.

— Во как! — присвистнул Юрка. — Что врачиха сказала? Помрет?

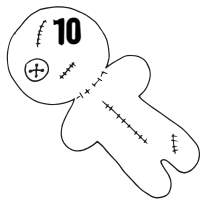
— Сплюнь! — Серый замахал руками. — Он со мной за прошлый месяц не рассчитался, обещал в этом за два сразу. Такая засада, блин...

— Дааа... — с притворной грустью протянул Юрка. — Плакал твой иксбокс...

— Замолкни уже, блин! Хватит! — окрысился Серый.

— Пацаны, брейк, — примирительно прогудел Тоха. — Сильвер мощный дед, выкарабкается.

Запиликал домофон, и из третьего подъезда, сиганув через все крыльцо, вылетел Жан со спортивной сумкой через плечо. Из сумки торчала рукоять меча, перемотанная вытертым кожаным ремешком. Ко-

роткая широкая гарда щерилась боевыми зарубками. С виду как настоящая. И не скажешь, что вместо клинка — обшитая утеплителем трубка. Откинув с лица длинную соломенную челку, шурясь от яркого солнца, Жан оглядел двор. Заметив ребят, вразвалочку направился к площадке.

— Тоха. Юрец. Серый.

Жан хлопал протянутые ладони, точно пересчитывая друзей. Тряхнул головой, отбрасывая волосы, вроде как невзначай засветил золотую серьгу в левом ухе. Мочка все еще была красной и распухшей. Восьмой класс без троек в годовом аттестате дался Жану не просто, зато родители обещание сдержали. Родители Жана всегда играли честно, и это работало. Когда за выпускной аттестат без троек светит что-то по-настоящему крутое, любой мальчишка поневоле задумается.

— Оторвут, на фиг, в первой же драке. — Тоха щелкнул по серьге ногтем.

— Могут попытаться, — ухмыляясь, поправил Жан. Тоха неодобрительно покачал головой.

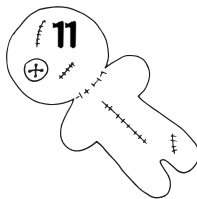
— Слыхал, Сильвера в морг увезли?! — встрял Юрка.

— Чего несешь, тепло?! В больницу, а не в морг, — зло поправил его Серый. — Откуда бы он услышал? Пять минут назад «Скорая» уехала.

Жан нетерпеливо отмахнулся:

— Да Сильвер каждые полгода в больничку катается! Вы лучше вот что... Клео во дворе не видели?

Мальчишки помотали головами. Клеопатра — двухгодовалый сфинкс, лысая и уродливая, как все сфинксы, была любимицей родителей Жана и абсолютно домашней кошкой. Увидеть ее на улице можно было только в переноске, во время семейной вылазки на природу или поездки к ветеринару.

— Печалька... — Жан вздохнул, почесал макушку. — Дома духотища, все окна нараспашку, балкон нараспашку. Мамка думает, что Клео с окна навернулась.

— Не, ты все-таки дома поищи, — посоветовал Юрка. — В прошлом году тоже родители кошака потеряли. Я с ними весь вечер по подвалу ползал, а он, зараза, на балконе в коробку пустую залез и дрых там, пока не проголодался.

— Ты на треньку? — Тоха кивнул на сумку. — Бро-сай уже игрушки свои, давай к нам, в зал!

— Историческое фехтование — это жесткий и бескомпромиссный спорт для настоящих мужчин, — как по писаному отбарабанил Жан, неосознанно копируя манеру речи своего тренера. — Ты новые ролики с Битвы наций смотрел? Я тебе вчера «вконтактике» скидывал. Вот где жечь!

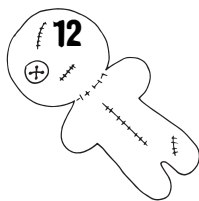
— Да видел. Ни фига не понятно, — скривился Тоха. — Толпа на толпу с палками и железяками — какой это, на фиг, спорт?! У моей бабушки в деревне старшие пацаны так после каждой дискотеки тренируются...

— Сравнил теплое с мягким! — Жан презрительно скривился. — Ладно, я поскакал. Вы это, если Клео увидите, постарайтесь поймать, лады?

— Лады, лады, — ответил Тоха за всех. — Seriously, приходи в качалку, я тебя за десять минут вымотаю!

— Придешь к нам — вымотаю тебя за три!

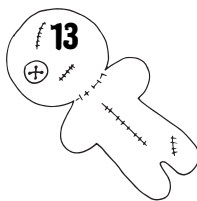
Жан сверкнул улыбкой и быстро зашагал к выходу со двора. Тоха с Юркой вернулись к турнику. Серый, потоптавшись на месте, пошел с ними. Лето обещало быть долгим, жарким и чертовски скучным. Никто не мог знать заранее, что оно просто притворяется. Разве что Сильвер. Но он не дожил даже до вечера.

Клео не нашлась ни этим днем, ни следующим. Родители Жана, очень уважаемые и солидные люди, выглядели непривычно чумазыми и растрепанными — они облазили не только свой двор, но и с десяток соседских. Насквозь прошли подвал, заглянули за каждый мусорный контейнер, перетрясли все кусты. Жан не очень жаловал семейного питомца — Клео была кошкой взбалмошной и своенравной, в плохом настроении могла сильно оцарапать, буквально ни за что, — но ее очень любила мама, а маминых слез Жан не выносил.

Фото потеряшки он нашел без труда. В любом альбоме с семейных посиделок неизменно присутствовало пять-шесть кадров снисходительно-презрительной морды Клео. Поколдовав пять минут, Жан состряпал объявление. С трудом поборол жгучее желание оставить приписку «Кто найдет — заберите себе!», тяжело вздохнул и все же стер. Шутки шутками, а мама тосковала без Клео всерьез. Жан распечатал два десятка листов, вооружился степлером, сунул в карман рулон скотча и отправился окучивать ближайшие дворы.

Вечер выдался зябким. Столбик термометра, уже давно не падавший ниже двадцати градусов, вдруг откатился к отметке плюс пятнадцать. С Онежского озера, напившись прохлады, налетал не по-летнему стылый ветер, трепал волосы, забирался под футболку. Разбиваясь о каменные бока сталинских пятиэтажек, массивных, точно отдыхающие динозавры, он терял силу и не сильно донимал Жана, но стоило выйти из-под их защиты, как предплечья покрылись гусиной кожей, а затылок съежился.

Оставшуюся половину объявлений Жан хотел расклеить на основных беговых маршрутах. Каждый вечер в парке не протолкнуться от бегунов, велосипедистов и мамочек с колясками. Клео кошка приметная, если она была здесь, кто-нибудь наверняка запомнил. Может, ее даже подобрали, хотя в то, что сварливая Клео добровольно пошла в незнакомые руки, Жан верил слабо. Пригвоздив последнее объявление к дереву неподалеку от уличных тренажеров, он спрятал степлер в карман и уже совсем было собрался бежать домой отогреться горячим чаем с вареньем, как его окликнули:

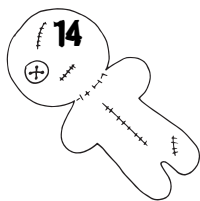
— Жанчик? Жанчик, а ты чего тут так поздно гуляешь? Мама-то, поди, обыскалась тебя?

Обладательницу скрипучего голоса Жан узнал сразу. Только один человек на всем белом свете называл его мерзким, противным, исковерканным именем «Жанчик». Клавдия Ивановна, сухонькая востроносая старушка, живущая двумя этажами ниже. Несмотря на вечные жалобы на боли в ногах, она всегда умудрялась быть в самой гуще событий. На каждом общедомовом собрании, на всех лавочных посиделках, в любом месте двора, где собиралось больше пяти человек, несмазанной дверью скрипел ее голос.

— Я в окошко смотрела — мама твоя по двору ходит, ищет тебя! И не стыдно?! Родители с ног сбились, а он тут шлындает!

Клавдия Ивановна завелась не на шутку. Ругать распущенную молодежь она считала своей прямой обязанностью, и повод для этого подхватывала любой, даже самый формальный. Жан собрал все терпение, всю заложенную родителями интеллигентность и ответил с холодной учтивостью:

— Она не меня ищет, а кошку. Клео наша убежала.

— Клеопатра убежала?! — захохла Клавдия Ивановна. — Ты подумай, а?! Ну такая славная кошечка, такая воспитанная, благородная — и туда же! Моя Альма ведь тоже убежала...

Только сейчас Жан заметил в сухих пергаментно-желтых руках мятые листы, исписанные ломаным детским почерком, и тюбик канцелярского клея. Клавдия Ивановна тоже развешивала объявления. Кошек у нее было то ли пять, то ли семь, по этому вопросу двор так и не пришел к единому мнению. Честно говоря, Жан знать не знал, как выглядит эта Альма, и слушал старушку вполуха, пока в нескончаемом потоке пустой болтовни не промелькнуло кое-что необычное.

— Что, простите? — переспросил он.

— Я говорю, у Анны Геннадьевны из семьдесят третьей пекинес такой маленький. — Клавдия Ивановна развела ладони, показывая размеры собачки. — Тоже сбежал! А звери — они ведь все чувствуют, все-все! Я по телевизору видела: в Японии перед землетрясением все кошки из города уходят! И собаки убегают, если не привязаны, а если привязаны, то воют так, что уж лучше бы их отпустить! А всякие там воробьи да вороны, уж на что глупые птицы, так ведь тоже бегут! Все бегут! Вот и наши побежали! Ой, что-то будет, ну точно что-то будет!

— Да ну, наши-то...

Жан не закончил, сообразив, что уже с неделю не видел ворон, облюбовавших кривую березу, растущую неподалеку от детской площадки. Да и голуби, эти вечно голодные курлыкающие крысы с крыльями, давненько не прилетали поклевать хлебных крошек, что высыпали рядом с мусорными баками заботливые пенсионеры. Кучка из черствых корок росла, крошки втаптывались в пыль, и никто не замечал

